

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

КАВАЛЕРІЙСКІЕ ВОПРОСЫ.

Рядъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“, напечатанныхъ въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1865 годъ, вызвалъ насъ углубиться въ суть кавалерійскаго дѣла. Не имѣя ничего сказать противъ трехъ статей г. Терентьева о значеніи, о численномъ отношеніи кавалеріи къ другимъ родамъ войскъ и о ея организаціи, мы перейдемъ прямо къ числу *рядовъ* и *шеренгъ*, гдѣ авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ высказываетъ желаніе, чтобы предложенная имъ организація была испытана на дѣлѣ, для чего считаетъ достаточнымъ сформировать одинъ казачій полкъ.

Вотъ основанія его организаціи: 1) принять одношереножный строй; 2) въ эскадронѣ четыре взвода по 20 рядовъ; 3) крайніе взводы вооружить штуцерами двухпульной системы (*obtuseur*); 4) принять въ основаніе независимость номеровъ взводовъ и эскадроновъ при всѣхъ построеніяхъ; 5) принять для эскадрона, такъ сказать, два порядка: резервный со вдвоенными взводами (крайніе составляютъ вторую шеренгу) и боевой, въ которомъ крайніе взводы отводятся на 50 шаговъ назадъ, въ качествѣ резерва. Не опровергая послѣднихъ двухъ положеній относительно независимости номеровъ и строя эскадрона, разберемъ первые три.

Разсматривая атаку развернутаго эскадрона противъ ротнаго или баталіоннаго каре, авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ, отъ несоответственной длины фронтовъ, почти полэскадрона ударить по воздуху, не приметъ надлежащаго участія въ дѣлѣ и только даромъ послужитъ цѣлю противнику. Признавая, съ этой стороны, разсужденіе автора совершенно вѣрнымъ, замѣтимъ однакожь, что никто не мѣшаетъ употребить на работу не весь эскадронъ, а часть

его, напримѣръ взводъ и полуэскадронъ. По нашему мнѣнію, не только ротное, но даже и баталіонное каре не слѣдуетъ атаковать цѣлымъ эскадрономъ. Мы увѣрены, что на часть баталіоннаго каре достаточно полэскадрона, а на ротное станеть и хорошаго 16-ряднаго взвода. Авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ боится за отдѣленіе частей: это будутъ *части* единицъ, слѣдовательно безъ компаніи, безъ товарищей, онъ не такъ смѣло и даже, можно сказать, робко, съ неохотой пойдутъ въ атаку. Мы другаго мнѣнія: намъ кажется, что храбрый эскадронный командиръ, отдѣляя для атаки взводъ или полуэскадронъ, пойдетъ вмѣстѣ съ ними, и тогда можно быть вполне увѣреннымъ, что всѣ опасенія автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“ исчезнутъ сами собою, а оставшіеся на мѣстѣ два или три взвода, пожалуй, еще позавидуютъ своимъ боевымъ товарищамъ. Съ плохимъ же начальникомъ даже и предлагаемый г. Терентьевымъ эскадронъ ничего не сдѣлаетъ. Лучшимъ примѣромъ, что значать хорошіе командиры, можетъ служить курюгъ-даринское сраженіе. Авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“, рассказывая о подвигахъ героев этого сраженія, указываетъ на прапорщика Костровицкаго, маіора Парчевскаго и генерала Багговута.

Переходя къ разсужденію объ увеличеніи въ полку числа эскадроновъ, въ защиту стараго порядка приведемъ нѣсколько аргументовъ: *во-первыхъ*, управленіе эскадрономъ мы не считаемъ такимъ труднымъ дѣломъ, какъ это кажется автору „Кавалерійскихъ вопросовъ“. У командира, понимающаго дѣло, вы всегда найдете людей хорошо обученными, лошадей хорошо выѣзженными, хозяйство зажиточное—словомъ, эскадронъ въ исправномъ видѣ—и это достигается не такими большими трудами, чтобы эскадронный командиръ нуждался въ облегченіи своей участи (*) уменьшеніемъ числа рядовъ. *Во-вторыхъ*, съ увеличеніемъ числа эскадроновъ до восьми (**), при недостаткѣ въ полку офицеровъ, нерѣдко придется и эскадронныхъ командировъ отрывать отъ занятій для разныхъ неизбежныхъ въ полку командировокъ, при чемъ произойдетъ: а) частое измѣненіе въ методахъ обученія, такъ какъ досто-

(*) У автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“ нѣтъ указаній на трудность управленія *нынешнимъ* эскадрономъ. Сказано вообще (стр. 231 „Военнаго Сборника“ 1865 г., № 4), что „съ увеличеніемъ числа рядовъ увеличивается и трудность обученія и командованія“. *Ред.*

(**) „Кавалерійскіе вопросы“ не предлагаютъ 8-эскадроннаго состава. *Ред.*

вѣрно извѣстно, что у всякаго эскадроннаго командира существуетъ и свой собственный взглядъ на выѣздку; б) частая передача эскадрона *на время* отъ одного лица другому, что влечетъ за собою разстройство эскадрона какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Это и теперь случается, а тогда будетъ случаться и по-прежнему. Но одно изъ главнѣйшихъ неудобствъ, предлагаемаго авторомъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“, 80-ряднаго эскадрона будетъ то, что командиру трудно и почти невозможно завести сколько-нибудь порядочное эскадронное хозяйство. Посмотрите на эскадронъ въ походѣ: сколько онъ требуетъ сверхштатныхъ расходовъ:ковка, растрата солдатами разныхъ казенныхъ вещей, за которыя конечно не будутъ вычитать изъ жалованья солдата, а за все про все придется приплачиваться эскадронному командиру. Всѣ эти расходы эскадроннаго командира съ избыткомъ покроются тешерешнимъ эскадронномъ, тогда какъ при восьмидесяти-конномъ составѣ это еще вопросъ.

Авторъ за одношереножный строй, и по принятой имъ методѣ приводитъ доказательства и *за* и *противъ*. Мы объявляемъ себя *сторонниками* двухъ шереновъ и постараемся доказать, что аргументы *противъ* вовсе не столько доказательны, какъ это вышло у г. Терентьева съ его точки зрѣнія. Въ пользу двухшереножнаго строя приведено слѣдующее: не всѣ годны въ *первую* шеренгу, надобна, значить, и вторая; фронть сильнѣе въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ; задняя шеренга при атакѣ протѣснится между рядами передней и закроетъ интервалы.

Задняя шеренга дѣйствительно хуже передней; но вѣдь нужно вникнуть, отчего это происходитъ. Большая часть эскадронныхъ командировъ подбираютъ въ переднюю шеренгу, ради эффекта, людей болѣе рослыхъ, красивыхъ и лучше ѣздящихъ, а слабыхъ прячутъ на зады. Оттого-то хорошій солдатъ и не останется довольнымъ, если его поставятъ въ заднюю шеренгу, да и вообще въ эскадронъ существуетъ какое-то пренебреженіе къ людямъ, позади стоящимъ. Попробуйте не обращать вниманія на красоту людей, перемѣшайте красивыхъ съ некрасивыми, опытныхъ ѣздоковъ со слабыми и т. д., увидите, что этотъ маленькій антагонизмъ между шеренгами уничтожится весьма скоро.

Мы однакожь признаемъ пользу задней шеренги даже и

при настоящихъ ея условіяхъ. Достаточно, если скажемъ, что не всѣ же солдаты передней шеренги одинаково храбры; но если трусь знаетъ, что свади его скачеть человекъ, который не позволить дать тыла, онъ волей-неволей скачеть и дерется рядомъ съ храбрымъ своимъ товарищемъ (*). Въ этомъ случаѣ не худо было бы и намъ принять для атаки строй Наполеона I колонны и составлять заднюю шеренгу, вопреки нынѣшнему обычаю, изъ людей болѣе отважныхъ, болѣе храбрыхъ, которые, конечно, не позволятъ переднимъ дать тылъ, что можетъ случиться, въ минуту атаки, и въ самой отличной кавалеріи. И тогда, конечно, задняя шеренга будетъ надежною поддержкой не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи.

Несправедливо также и приписываемое людямъ задней шеренги стремленіе *расталкивать* переднюю, чтобы принять участіе въ атакѣ: на карьерѣ передняя шеренга раздается до такой степени, что проскочить въ интервалы не составитъ большаго труда. Бѣда у насъ, дѣйствительно, только въ томъ, что на домашнихъ ученьяхъ не поощряютъ такого рвенія задней шеренги, а скорѣе накажутъ солдата какъ выскочку; но вѣдь это только ошибка въ обученіи.

Мы рѣшительно затрудняемся, какъ согласить мнѣніе автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“ о бесполезности задней шеренги съ мнѣніемъ его въ пользу ея. Въ главѣ VI, на стр. 278, онъ говоритъ: „Прежде у насъ пиками были вооружены обѣ шеренги, а послѣ кампаніи ихъ оставили одной только первой. Это совершенно и рационально: *во-первыхъ* потому, что только одни солдаты передней шеренги могутъ держать ее надлежащимъ образомъ, а пикаи задней шеренги не принимали никакого участія въ дѣлѣ и при атакѣ оставались въ бушматахъ; *во-вторыхъ*, отмѣна пикъ въ задней шеренгѣ дала возможность поддержать пикаи передней саблями задней, а это тѣмъ удобнѣе, что люди задней шеренги, защищенные отъ опасности перваго удара пиками передней, протѣснившись между рядами, всгупають, въ свою очередь, въ бой именно тогда, когда пика уже бесполезна: такимъ образомъ, эти два оружія взаимно помогаютъ другъ другу“.

(*) Въ одношереножномъ строю обязанность наблюдать за этимъ „Кавалерійскіе вопросы“ возлагаютъ на унтеръ-офицеровъ. (См. Главу VII, стр. 221, стр. 5.)

Выходитъ, что задняя шеренга далеко не бесполезна при столкновеніи съ противникомъ, и авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ впасть въ противорѣчіе (*).

Вывѣсивъ всѣ достоинства задней шеренги, мы придемъ къ убѣжденію, что при одинаковыхъ условіяхъ перевѣсъ останется на сторонѣ нынѣшняго эскадрона, въ случаѣ ихъ встрѣчи. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что численный составъ нынѣшняго эскадрона почти вдвое больше противъ предлагаемаго, что противъ одного нынѣшняго нужно употребить два предлагаемыхъ. Мы только спросимъ: что будетъ, когда нынѣшній эскадронъ употребить противъ двухъ предлагаемыхъ разсыпную атаку (**).

Наконецъ, для большей самостоятельности своего эскадрона, авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ предлагаетъ вооружить крайніе взводы штуцерами двухпульной системы (*obturateur*) и въ VII главѣ объ обученіи людей приводитъ нѣсколько примѣровъ сбитокки и спѣшванія, указывающихъ на необходимость огнестрѣльнаго оружія въ кавалеріи. Но вѣдь нужно также замѣтить и то, что такіе примѣры, какъ дѣло гребенскихъ казаковъ, алжирскихъ спаговъ, штурмы Орѣшка, Очакова, Измаила, спѣшенными казаками, извѣстны въ военной исторіи наперечетъ и встрѣчаются довольно рѣдко въ сравненіи съ тѣми многочисленными примѣрами удачныхъ дѣлъ, гдѣ отъ кавалеріи не требовалось огнестрѣльнаго дѣйствія.

Странное дѣло: изъ различныхъ мѣстъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ видно постоянное стремленіе автора облегчить участь кавалериста, а тутъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ навязываетъ кавалеріи почти лишнюю обузу. Да, наконецъ, не противорѣчитъ ли самъ себѣ авторъ, рассказывая въ VI главѣ о неудачахъ кавалерійскихъ генераловъ Пашкова и Щуцкаго? Послѣдній, „по непостижимой причинѣ, выжидалъ атаку польской

(*) Въ приведенной цитатѣ говорится только о разумности сооруженія задней шеренги саблями вмѣсто пикъ, если уже разъ принять двухшереножный строй какъ нормальный; разумность же самаго существованія задней шеренги не подвергалась обсужденію. Къ тому же дѣло идетъ о совершенно исключительномъ и весьма рѣдкомъ явленіи: о кавалерійской сѣчѣ. *Ред.*

(**) Припомнимъ атаку англійскаго одношереножнаго эскадрона въ 60 коней противъ 300 человекъ карлистокой кавалеріи (непанская экспедиція 1835 года); припомнимъ также, что Густавъ-Адольфъ со своимъ 60-ряднымъ и трехшереножнымъ эскадронномъ ностоянно былъ многократно колонны нѣмецкой кавалеріи. Численный перевѣсъ еще не составляетъ силы, особенно въ кавалеріи. *Ред.*

кавалеріи, *не думаясь съ мѣсто, съ масседонскими карабинами, и затѣмъ приказавъ открыть огонь повзводно*“.

Вѣдь изъ этого примѣра выходитъ только, что дѣйствительно „наилѣпшее распространіе въ кавалеріи огнестрѣльнаго оружія скорѣе вредно, чѣмъ полезно“, какъ справедливо замѣчаетъ самъ же авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“.

Приводя затѣмъ цитату изъ регламента Фридриха II о томъ, что „ни одинъ эскадронъ, во имя чести своей репутаціи, не долженъ смѣть стрѣлять“, и упреннувъ генерала Щуцкаго въ незнаніи правила, выработаннаго боевыми опытами чуть не за сто лѣтъ назадъ, г. Терентьевъ говоритъ: „*Высшая однако случаемъ, что эскадрону, особенно въ отдѣльной командировкѣ, очень и очень пригодились бы хотя немного пѣшихъ стрѣлковъ; а гдѣ ихъ взять? Необходимо, слѣдовательно, имѣть человѣкъ по 30 стрѣлковъ на каждый эскадронъ: это придастъ ему большую независимость и самостоятельность*“.

Какъ согласить теперь два противоположныхъ взгляда автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“: то наибольшее распространіе огнестрѣльнаго оружія вредно для кавалеріи, то полезно, почему и предлагается имѣть въ эскадронѣ по 30 стрѣлковъ? (*)

Однакожь изъ этого не слѣдуетъ предполагать, чтобы намъ казалось страннымъ вооруженіе нашихъ драгунскихъ полковъ ружьями. Нѣтъ, по нашему, имъ нужны ружья уже потому, что главнымъ ихъ назначеніемъ — дѣйствовать на мѣстности пересѣченной, словомъ тамъ, гдѣ легкой кавалеріи неудобно производить атаки. Для такихъ-то случаевъ всегда берегутъ драгунъ, и, конечно, не пошлютъ ихъ въ атаку на открытой мѣстности, если подъ бокомъ есть легкая кавалерія. Но вооружать для такихъ случаевъ всю кавалерію вещь совершенно лишняя, и мы вполне надѣемся, что подобный проектъ останется на страницахъ журнала безъ примѣненія его къ дѣлу.

Мысль автора о приданіи къ каждой кавалерійской дивизіи

(*) На самомъ дѣлѣ противорѣчія никакого нѣтъ, и рецензентъ нашелъ его только потому, что не отличаетъ *ома съ кола* отъ *ома пѣшкоче*. Въ приведенной цитатѣ опредѣлительно говорится о *пѣшихъ стрѣлкахъ*, а въ главѣ IV, на стр. 241, прямо сказано о стрѣлковыхъ взводахъ: „это названіи и смѣшты съ тѣмъ драгуны“.

На той же страницѣ и въ главѣ VII, стр. 312, авторъ проводитъ мысль, что существованіе драгунъ, какъ отдѣльнаго рода кавалеріи, не оправдывается характеромъ современныхъ войнъ, что необходимость сдѣлаться мощею встрѣтиться *каждому кавалерійскому эскадрону*, и что полегку лучше всего, тамъ сказать, *распредѣлить драгунъ по всѣмъ эскадронамъ легкой кавалеріи*. Рее...

но два казачьих полка заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія по той пользѣ, какую можетъ принести это въ бою.

Переходя къ V главѣ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ — „въ скачки на кризы и малежной ѣздѣ“, мы должны сознаться, что не имѣемъ никакихъ данныхъ для возраженія, и потому остаемся при желаніи, чтобы всѣ указанія автора были приняты въ нашескорѣйшее время.

Въ началѣ главы о вооруженіи и снаряженіи кавалеріи, авторъ говоритъ, что „изъ всѣхъ родовъ оружія кавалеріи сдѣлала наименѣе успѣховъ на пути усовершенствованій“, и что, несмотря на двѣ тысячи лѣтъ существованія своего, она не рѣшила окончательно вопроса о своемъ вооруженіи. Но спрашивается: можетъ ли составиться какая-нибудь постоянная и неизмѣнная норма вооруженія не только для кавалеріи, но и для всякаго другаго рода оружія? Конечно, нѣтъ. Въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ образоваться только *временная* норма, которая тотчасъ же исчезаетъ, быть можетъ безвозвратно, какъ только явится новое изобрѣтеніе, открытіе или усовершенствованіе (*).

Рыцари въ свое время были хороши; теперь же и кирасиръ, этотъ намекъ на рыцаря, считается анахронизмомъ. Все съ теченіемъ времени намѣняется и должно измѣняться; значитъ, должно было измѣняться и оружіе кавалеріи, и потому постоянной нормы вооруженія ожидать нельзя; а такъ какъ, по выраженію автора, „*малое оружіе кавалериста — ее конь*“, и такъ какъ это оружіе не легко поддается усовершенствованіямъ, то отсюда законно вытекаетъ и слѣдующая посылка автора: „та кавалерія лучше, которая ближе подойдетъ подѣ образцы младенческирующихъ народовъ“.

Говоря о холодномъ оружіи, авторъ, какъ видно, предпочитаетъ саблю (стр. 276). При сравненіи длины пика, онъ отдастъ предпочтеніе пикѣ казачьей передъ пикою легкой кавалеріи. Не советая соглашаться съ авторомъ въ подробностяхъ, мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее: вѣнчій въ конецъ пика свинець хотя и прибавляетъ 3 фунта вѣсу, но служитъ для пониженія центра тяжести, что особенно важно на продол-

(*) Объ этомъ-то и говорится въ VI главѣ: усовершенствованія не послужатъ кавалерійскаго арсенала — все та же пика, все та же сабля, все тотъ же карабинъ; значитъ, постоянная норма есть, а какое оружіе предпочесть — не рѣшено. *Ред.*

жительной и утомительной рыси, такъ какъ, вслѣдствіе тяжести, пики не можетъ выскочить изъ бушмата. Нижняя петля казачьей пики имѣетъ за собой достоинство простоты, но при наклоненіи пики для атаки больше затрудняетъ и беспокоитъ человѣка, чѣмъ бушмать: приходится высвободить ногу сперва изъ стремена, потомъ изъ петли и наконецъ снова найти стремя. Относительно ненужности помочей конья мы раздѣляемъ мнѣніе автора; что же касается флюгера, то подаемъ голосъ за него. Флюгеръ вовсе не мѣшаетъ вѣрно направлять остріе, какъ полагаетъ авторъ, на карьеръ, отъ движенія воздуха: онъ всегда ложится вплотную къ древцу и можетъ отдѣлиться отъ него только въ случаѣ бокового вѣтра. Наконецъ, вѣроятно, и самъ авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ сознаетъ его пользу, если вспомнить, что раненому солдату, имѣющему при себѣ какой-нибудь кусочекъ тряпки или холста, флюгеръ съ большой пользой можетъ служить бинтомъ. Отнимать у солдата, быть можетъ, первую помощь, заботясь только объ уменьшеніи груза на самое малое число золотниковъ, нелогично. (*)

Ношеніе сабли на пояскомъ крючкѣ, дѣйствительно, неудобно, но еще не до такой степени, чтобы нѣмѣнная пригонка достойна была измѣненія. Съ помощью маленькой перемѣны въ способъ носки сабли, легко устранить главный недостатокъ: вредное вліяніе на печень. Мы опытомъ убѣдились, что солдаты, садясь на лошадь и не имѣя особаго приказанія надѣвать португезу сверхъ мундира или кителя, сами всегда надѣваютъ ее подъ мундиръ, при чемъ распускаютъ португезу до того, чтобы она спустилась ниже и ремешекъ упирался бы не въ поясъ, а на тазовую кость. Это, дѣйствительно, облегчаетъ; почему и желательнo было бы постановить правиломъ, чтобы при верховой ѣздѣ солдаты надѣвали португезу *всегда* подъ мундиръ.

Задній пасикъ португезы авторъ считаетъ ненужнымъ: „задній пасикъ португезы—говоритъ онъ—ни къ чему не служитъ, и, если оборвется передній, сабля попадаетъ между ногъ лошади, которая начнетъ бить“. Но вѣдь если не будетъ задняго

(*) Во-первыхъ, тутъ не одинъ вѣсъ: тутъ еще упрощеніе матеріальной части; во-вторыхъ, флюгеръ далеко не перевозочное средство по недостаточной длинѣ дослугель. Ужъ лучше просто положить солдату бить въ карманъ, чѣмъ развѣшивать его на пикѣ, которую равнымъ легко потерять и которую имѣетъ только треть кавалеріи.

пашня, то сабля упадетъ на землю и кавалеристъ останется безъ оружія, тогда какъ второй пашня удерживаетъ ее при всадинѣ, который, съ помощью маленькой споровки, скорон легко постарается все несчастіе, какъ-нибудь, исправить.— Что же лучше?

Затѣмъ авторъ разбираемой статьи переходитъ къ предложенію: производить наши домашнія ученія не съ обнаженными саблями, какъ это дѣлается теперь, а съ саблями въ ножахъ, при чемъ представляетъ разные доводы касательно несостоятельности нынѣшняго обученія, съ вынутыми саблями. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „*во-первыхъ*, неудобно: тремя пальцами трудно держать саблю — тутъ и боль отъ давленія дужекъ ефеса, и усталость руки; *во-вторыхъ*, протираетъ рейтузы и рветъ перчатку; *въ-третьихъ*, легко обрѣзаетъ себѣ ухо (эти случаи весьма не рѣдки); *въ-четвертыхъ*, конецъ клинка часто попадаетъ между этикетками (уланскаго обмундирования) и по командѣ „сабли въ ножи“, или, въ случаѣ надобности, рубить, приходится довольно долго возиться, пока освободишь саблю изъ силовъ; наконецъ, *въ-пятыхъ*, le cavalier qui depuis longtemps a le sabre à la main, perd sa fraîcheur de respect et déthouziasme pour son arme,“ какъ говоритъ де-Бракъ.

Намъ кажется, что всѣ эти доводы, кромѣ послѣдняго, крайне слабы. Ъзда съ вынутою саблею есть ничто иное, какъ упражненіе въ споровкѣ держать ее такъ, чтобы не обрѣзаетъ себѣ уха, чтобы сабля не могла попасть между этикетками, а если пошла, то сумѣть ее высвободить изъ силовъ. Если этого не дѣлать на лошади, а обучать держанію сабли только при фехтованіи, то можно быть увѣреннымъ, что сначала, отъ непривычки, вынутая и заостренная сабля въ конномъ строю надѣлала бы множество несчастныхъ случаевъ. Одушевленіе нисколько не уменьшится, если сабля не была въ рукахъ въ продолженіе, положимъ, двухъ или трехъ дней, а въ минуту атаки будетъ съ азартомъ выхвачена изъ ноженъ. Но разница въ умѣнн держать саблю при томъ или другомъ способѣ обученія будетъ огромная. При теперешней методѣ, не пройдетъ, кажется, ни одной ѡзды, чтобы солдатъ не выдѣлалъ самъ по себѣ, даже въ строю, нѣсколькихъ приѣмовъ рубки: подобныя упражненія обращаются въ привычку... Кажется, и немного, а между тѣмъ цѣль достигается: солдатъ выучивается на лошади владѣть оружіемъ—условіе чрезвычайно важное.

Нелзя не согласиться съ авторомъ, что притупленіе сабли, въ мирное время, вещь совершенно лишняя.

Отвергая ношеніе сабли на полевой португелъ, авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ предлагаетъ прикрѣпить ее въ сѣдлу слѣдующимъ образомъ: „къ лѣвой лавкѣ сѣдла прикрѣпить каратыжки, на которыя и надѣвать кольца сабли: такимъ образомъ, сабля будетъ лежать *сдоль лошади*, ессомъ въ мѣстѣ, гдѣ была кобура“.

Должно сознаться, что мы несомнѣмъ поняли этотъ способъ пригонки сабли, и потому считаемъ себя не въ правѣ безусловно осуждать его, особенно если онъ уже испытанъ спягами въ теченіе 25 лѣтъ непрерывныхъ войнъ и стычекъ въ Америкѣ, Крыму, Сиріи, Кохинхинѣ и Мексикѣ, и если правда, что этотъ способъ готовится принять и осталная французская кавалерія, какъ видно изъ приведенныхъ авторомъ словъ „Оружейнаго Сборника“.

Не менѣе удобнымъ кажется намъ и черкесскій способъ, принятый у нашихъ казаковъ и драгунъ.

Наконецъ, нынѣшнему способу привѣшиванія сабли авторъ приписываетъ еще одинъ недостатокъ: „сабля не позволяетъ носить пистолеть у лѣваго же боку, откуда его удобнѣе было бы доставать, тѣмъ теперъ, когда онъ у праваго бока или почти назадъ“. Соглашаясь съ мнѣніемъ автора, скажу однако, что жертвовать нынѣшней, весьма удовлетворительной, пригонкой сабли только ради этого недостатка было бы слишкомъ неразсчетливо, потому что ловкій всадникъ и теперъ, въ весьма короткое время, успѣваетъ отогннуть чушку и вынуть пистолеть; а если ужъ такъ желаютъ измѣненія, то отчего бы и за этимъ не обратиться къ черкесамъ, которые, какъ извѣстно, носятъ пистолеть наискось за спиной, съ чушкой или безъ нея. Отчего бы не принять и у насъ того же способа носки, тѣмъ болѣе, что при такой пригонкѣ чушка дѣлается вещь лишнею; да и доставать пистолеть будетъ гораздо легче и ловчѣе. Нужно только дать, для прикрѣпленія пистолета къ поясницѣ, такой же поясной ремень, навоѣ употребляется черкесами.

Переходя къ вопросу относительно простоты и удобства солдатской одежды, мы предположимъ такое положеніе: *изящность въ одежду возымается, до некоторой степени, гордость и мисость какъ въ солдатѣ, такъ и въ офицерѣ*. Чтобы убѣдить-

ся въ справедливости этого, стоит прислушаться къ разговору какого-нибудь гусара съ жюкотиждемъ: первый и порисуетъ свою форму и немножко прихвастнетъ своей службой, послѣдній только слушаетъ краснорѣчиво, а можетъ быть и завидуетъ красивому наряду. Про офицеровъ можно сказать почти то же самое: сколько еще между нами такихъ, которые служатъ только такъ себѣ, изъ-за мундира; сколько еще и такихъ, которые ставятъ ребромъ послѣднюю копѣйку ради удовольствія щегольнуть своей нарядной формой! А вѣдь все это, какъ хотите, есть своего рода лѣнь. Можно вѣдь и кавалериста одѣть въ пѣхотный мундиръ, который и простъ, и дешевъ, и удобенъ. Однакожь этого не дѣлаютъ, чувствуя, что такое переодѣванье будетъ члмъ-то неудобно...

Что большинство военныхъ непрочь отъ разныхъ украшеній, убѣдиться весьма нетрудно. Да вотъ и примѣръ: когда разнесся слухъ, будто въ кавалеріи отмигнуть на вальтрапахъ императорскіе вензеля, а вслѣдъ затѣмъ и слухъ объ отмигнѣи самыхъ вальтраповъ, это возбудило во многихъ искреннее сожалѣніе. Кажется, чего жъ бы лучше желать: съ уничтоженіемъ того и другаго, у насъ, пожалуй, осталось бы больше денегъ, а между тѣмъ мы слышали кругомъ другое: большинство готово было бросить нѣсколько лишнихъ рублей ради того только, чтобы сохранить вальтрапы. Но такъ какъ всякое желаніе должно быть прежде всего резонно, и сказать прямо: „я этого хочу, потому что оно меня украшаетъ“, несовсѣмъ ловко, то изобрѣтательный умъ, въ защиту вальтрапа, приводитъ, напримѣръ, такой доводъ: на бивуакѣ вальтрапъ съ большой пользой послужитъ вмѣсто ковра и, слѣдовательно, утомленному человѣку представить къоторую роскошь. Отсюда авторъ „Кавалерійскихъ вопросовъ“ можетъ удостовѣриться, что иногда и съ красотой соединена маленькая польза.

А вотъ, напримѣръ, можно положительно сказать, что предложеніе автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“ дозволить офицерамъ, для большей экономіи въ рейтузахъ, носить штиблеты, есть вещь совершенно непрактичная. Какая это будетъ экономія, если у меня рейтузы, какъ и прежде, будутъ рваться выше колѣнъ, а я буду надѣвать штиблеты только по колѣно?

Наши сѣдла, Станкевича, дѣйствительно весьма удовлетворительны; бѣда только въ томъ, что иногда подъ потниковую крышу наваливаютъ слишкомъ много войлока, который вплот-

ную прилегаеть къ хребту лошади и мѣшает теченію воздуха, что при верховой ѣздѣ считается весьма полезнымъ. Если бы не эта неосмотрительность да не значительный вѣсъ лончика, то наши сѣдла были бы болѣе удовлетворительны, чѣмъ казакскія. Сравнивая недостатки того и другаго сѣдла, мы увидимъ слѣдующее: нашъ кавалеристъ, послѣ форсированнаго марша, слѣзаетъ съ лошади „разбитый и разломанный“ на два, на три дня, а тамъ, смотришь, онъ опять молодець; казакское же сѣдло хотя и не сразу ослабляетъ человѣка, но за то производитъ хроническія болѣзни, дѣлающія человѣка преждевременно неспособнымъ къ службѣ, каковы: расширение жилъ въ ногахъ, грыжа и геморой, встрѣчаемые у казаковъ чаще, чѣмъ у солдатъ регулярной кавалеріи.

Нѣтъ сомнѣнія, что уздечка лучше мундштука. Всѣ доводы автора „Кавалерійскихъ вопросовъ“ въ пользу введенія ея въ нашей кавалеріи справедливы и заслуживаютъ вниманія. Но если бы согласились принять, съ нѣкоторыми измѣненіями, мундштукъ польской кавалеріи *тридцатыхъ* годовъ, то намъ кажется, что главное зло: трудность выѣздки и сильная боль во рту лошади, уничтожится.

Если на цѣпку польскаго мундштука наложить полоску войлока и обшить ее сафьяномъ, сдѣлать нѣчто въ родѣ мягкой подушечки, тогда можно навѣрное ожидать, что боль отъ цѣпки будетъ почти не осязательна и, слѣдовательно, лошади не отчего будетъ задрать голову; боль во рту, съ уничтоженіемъ дужки, значительно уменьшится; уменьшится и вѣсъ мундштука, особенно если сдѣлать его наполовину тоньше, и, ужь конечно, дѣйствіе такого мундштука будетъ мягче и нѣжнее четырехгранной уздечки персіянь. Да и ѣзда на подобномъ мундштукѣ не будетъ различаться отъ ѣзды на уздечкѣ. Изъ тому же лошадь будетъ находиться въ большемъ повиновеніи, чѣмъ на уздечкѣ; а полная власть надъ лошадыю, по нашему мнѣнію, пригодится не только трусливому и слабому ѣдоку, но и самому смѣлому наѣзднику. Впрочемъ, мундштукъ только и нуженъ для поворотливости, а при ѣздѣ по прямому направленію какъ уздечка, такъ и мундштукъ имѣютъ одинаковое значеніе.

Е. СКОРИНА.